

Проблемы отечественной истории

УДК 908.470.620

Б. А. ТРЕХБРАТОВ,доктор исторических наук,
профессор КГУКИ,

КУБАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНЫХ ФОРМ ЖИЗНИ И БЫТА

(Конец XIX – начало XX вв.)

В статье на основе разных первоисточников исследуется толстовское движение в виде создания интеллигентских колоний на восточном берегу Черного моря

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, А. В. Юшко, Ф. А. Щербина, О. О. Прохоров, «Криница», «Лысье горы», земледельческая артель, интеллигенция

УДК 908.470.620

B. A. TREKHBRATOV,doctor of Historical sciences,
professor of Krasnodar State University
of Culture and Arts

KUBAN INTELLECTUALS IN SEARCH OF THE IDEAL FORMS OF LIFE AND GENESIS

(End of XIX – beginning of XX centuries)

In the article on the basis of different sources is Tolstoy's movement as the intelligentsia's colonies on the eastern shore of the Black Sea.

Key words: L. N. Tolstoy, A. V. Jusko, F. A. Shcherbina, O. A. Prokhorov, «Krinitsa», «Bald Mountain», agricultural artel, intellectuals.

Рубеж двух веков в истории нашей страны стал временем духовного кризиса российской интеллигенции, неудовлетворенной итогами буржуазных реформ 60-х годов XIX в. Разные слои людей умственного труда и примыкавшие к ним мыслящие представители трудового народа по-своему подходили к решению возникших проблем. Это было время рождения различных проектов переустройства общественной жизни с широким спектром их осуществления: от леворадикальных идей до толстовства и совершенной апатии. В интеллигентских кругах возникла даже фраза, остроумно отражающая противоречивость и многослойность общественного сознания того времени: «Одним хотелось революции, другим севрюжины с хреном, а третьим кого-нибудь ободрать».

Заметное место в этом вопросе занимало так называемое толстовство – философско-утопическое направление в общественной мысли и общественном движении. Оно было изложено в таких произведениях, как «Исповедь», «В чем моя вера», «Крейцерова соната» и др. Основные идеи великого русского писателя сводились к этике любви,

непротивлению злу насилием, нравственному самосовершенствованию каждого отдельного человека как средству преобразования общества. Л. Н. Толстой отрицал государство, службу в государственных учреждениях, призывал к отказу от политической деятельности.

Он считал необходимым организовывать производственные земледельческие общины, отказаться от платежа налогов и несения военной службы. В результате его призывов колонии толстовцев возникли в Тверской, Симбирской, Харьковской губерниях, на Кавказе. Толстовство нашло своих последователей в Западной Европе, Японии, Индии, Великобритании и Южной Америке.

Территория нашего края (северо-восточное Причерноморье) также стала местом духовных исканий людей, которые стремились к разумной, правильной и справедливой жизни без употребления наемного труда, путем личного самосовершенствования.

Теме создания трудовых интеллигентных колоний (или «культурных скитов») посвящены

публикации старшего научного сотрудника Геленджикского историко-краеведческого музея Т. А. Небиеридзе и автора этой статьи в первой исторической энциклопедии на Юге России «Энциклопедическом словаре по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года...» [1].

Из него мы в течение 17 лет черпали сведения по истории кубанской интеллигенции. На его базе написаны другие энциклопедии и историко-краеведческие словари, в том числе и автора данной статьи [2]. Но тема «Криницы», под которой мы понимаем создание интеллигентных колоний толстовского типа на восточном берегу Черного моря, находится как бы в застывшем состоянии: ничего по ней практически не обнаружено и, естественно, не опубликовано. Исключением является статья той же Т. А. Небиеридзе, помещенная в Интернете в конце 2013 года [3]. То ли тема не актуальна в наш капиталистический век, то ли по другой причине, но новых данных по земледельческим артелям пока не обнаружено.

В предлагаемой статье мы вкратце, насколько это позволяет регламент и направление журнала, попытаемся ввести в научный оборот новые документы, которые «добыли» в периодической печати, в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), Центре документации по новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Первый из них – это небольшая публикация в газете «Новая Заря» [4]. Два других: воспоминания Ф. А. Щербины об одном из активных толстовцев Р. В. Юшко, который не только проповедовал идеи великого русского писателя Л. Н. Толстого об усовершенствовании общественной жизни на справедливых началах, но и осуществлял их на практике в виде организации земледельческих артелей на Лысых горах и Михайловском перевале [5]. И воспоминания бывшего народника Осипа Осиповича Прохорова о том же Юшко, написанные для комиссии Истпарта в Краснодаре в 1927 году [6]. Все эти три вещи разделяет по времени примерно 10 лет. Но написаны они в разные эпохи: постреволюционную (после 1905 года), в разгар Гражданской войны и уже в советское время.

Статья о трудовых общинах представляет тот интерес, что неизвестный автор, скрывший свою фамилию под псевдонимом Опятыон, нарисовал общую картину создания и «гибели» трудовых общин. Он отметил, что «наше Черноморское побережье имеет притягательную силу для организаторов общин и колоний. За последние года два особенно часты попытки устроиться на берегу моря общиной или просто культурным поселком и не перестают идти исследователи в этом направлении... идут... идут... несмотря на то, что их предшественники терпели поражения в своей деятельности, уходили, будучи задавлены громадностью своей задачи – устроить общину, где бы каждый трудами рук своих удовлетворял все и духовные и материальные свои потребности. Одним

не по плечу оказался непосильный для интеллигентного человека физический труд, других, по их выражению, “давили горы”. Некоторые не могли ужиться между собой из-за личных недостатков, все же вообще страдали отсутствием капитала, с помощью которого можно было бы привести в удобное для культуры состояние тяжелую, покрытую колючей зарослью почву кавказских долин и гор...» Но люди идут... идут и идут. «Они едут и идут со всех концов России. Одной из причин такого движения, по мнению безымянного автора, надо считать незнание края и всех тягот, сопряженных с устройством колоний в неразработанных диких горах, но, видно, такова сила веры в могущество единения и сотрудничества, веры в возможность для интеллигентного человека создать форму общежития на началах личного труда, «чтобы не быть в тягость», на началах равенства в распределении выработанных продуктов и братских отношений между собой.

За последние годы можно насчитать немало попыток такого рода на побережье.

В начале 80-х годов в 80 верстах от Новороссийска основалась интеллигентная община «Криница». Ее «учредителями» стали уроженцы северной полосы России, почти все с высшим образованием, проникнутые духом идей 60-х годов. Приобретая на Кавказе землю в собственность, они занимались земледелием, скотоводством, виноградарством и пробовали различные культуры: табаководство, пчеловодство, садоводство, шелководство, разведение лекарственных растений и выгонку розового масла. За все время своего существования колония была местом притока интеллигенции разных направлений, национальностей и вероисповеданий. Перебывало в ней до двух тысяч человек, как живших продолжительное время, так и разного рода посетителей.

90-е годы были временем основания многих общин и артелей. Так, на горном хребте Лысые горы верстах в 35 от Геленджика возникла община со смешанным населением интеллигентов и крестьян. Занимались хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, несмотря на то, что взбираться на горы на высоте 3000 футов было очень трудно.

Почти одновременно устроились две общины – на горе «Облего», верстах в семи от селения Пшады Новороссийского округа и в Широкой щели, носящей название «Бэта», верстах в 10 от села Берегового. Обе арендовали землю у казны и состояли из крестьян. Первая – «Облего» организовалась из сектантов, прибывших несколько лет назад в Кубанскую область из Екатеринославской губернии. Их неустанное стремление жить «по Божьи», по христиански, находило в общине свое применение. Жили они более уединенно, чем интеллигенты, но дружно и согласно. Главным занятием было скотоводство; хлеб сеяли тоже и выращивали овощи, поскольку позволял суровый

горный климат, напоминаящий по снегам и холодам среднюю Россию. Широцане же (колония Бэта) начали с артели, оформив ее по образцу артельного договора известного организатора артелей Н. В. Левитского. Потом перешли к общинному строю. Артель состояла из выходцев средних и южных губерний России, бродивших по Кавказу в поисках работы. К ним примкнули две семьи из соседнего села Берегового. Занимались земледелием, скотоводством и отчасти виноградарством. Некоторые из них были плотники. Широцане всегда поддерживали тесную связь с соседними поселками интеллигентов.

В Туапсинском округе были две общины – в Небуге – три семьи местных поселян и в Левои щели около Архипо-Осиповки. Между тем как первые вели полное земледельческое хозяйство и виноделие, промышляли и как каменотесы, последние – переселенцы из Екатеринославской губернии с трудом протянули с год, пробавляясь сборами фрукт(ов) с одичавших черкесских садов и кое-какими посевами. Возле селения Джубги тогда же образовалась рабочая артель Волкова, названная по имени основателя – пылкого энтузиаста из кое-чему научившихся чернорабочих, с жаром призывавшего своих товарищей к отречению от собственности и жизни земледельческим трудом «по справедливости».

Упомянем еще о попытке общины в Геленджике, состоявшей из нескольких семей местных жителей крестьян и пришлых интеллигентов. К сожалению, подробных сведений о ней Опятьон не сообщил.

С 1900 года возникновение подобных общежитий не прекращалось. Общинники «Лысых гор» спустились вниз и образовали под Михайловским перевалом небольшую группу на купленной ими земле, где разводили огороды и положили начало правильному садоводству. Недостаток средств заставлял их, как, впрочем, и раньше на «Лысых горах», искать заработка на стороне, занимаясь так называемыми интеллигентными профессиями. Впоследствии Михайловский перевал сделался почти таким же центром притока интеллигенции, как и «Криница». Перевал заселился отдельными хуторами на участках, купленных в собственность частью крестьянами Воронежской губернии, частью интеллигентами из разных мест России. Многие из тех и других пробовали слиться в разные формы общежития, и попытки эти продолжались до 1908 года – времени написания статьи.

В 1902 году около селения Уланки образовалась община, основателем которой стал местный старожил, лесной объездчик, издавна тяготевший к мирной работе на земле в компании с товарищами. Вокруг него собралось человек 5 – 6 разных профессий. Поселились на аренде и существовали заработком в окрестности, исподволь налаживая свое хозяйство. Момент, когда они разъехались, чтобы достать денег на стороне, был концом их дела.

В 1903 году кружок интеллигентов из Москвы, занимавших должности преимущественно по «письменной части», списавшись предварительно со старожилками побережья, приехали в количестве 7 – 8 человек и заарендовали сообща несколько десятин земли по соседству с упомянутой «Криницей». Желая сразу ввести интенсивную культуру, они делали опыт посева пшеницы по японско-китайскому способу. Опыт этот «москвичам» не удался. Некоторые из них пытались устраиваться общиной в Кубанской области, а некоторые культурными одиночками на побережье.

Наконец за последние годы местечко «Фальшивый Геленджик» в шести верстах от Геленджика служит арендой общинных опытов. Съехавшаяся в начале 1907 года компания интеллигентов, главным образом из Одессы, хотя и уменьшилась больше чем наполовину, но ведет свое дело, надеясь на лучшее будущее.

Кроме этой маленькой общины из перечисленных общин и артелей со временем остались лишь Михайловский перевал и «Криница». На первом из них община находилась в самом зародыше. Обитатели перевала хотели подойти к форме общины через кооперации потребительные и производительные. «Криница» же, просуществовав 21 год, ликвидировала себя как общину и перешла в форму трудовой артели на паях, устав которой недавно утвержден черноморским губернатором.

К этому следует добавить, что социальный эксперимент «Криницы» вызвал интерес в окружающих населенных пунктах. К ним обращались за агрохимической и медицинской помощью поселяне из Архипо-Осиповки, Берегового, Текоса (чешское поселение). Были и такие, которые хотели просто «поглазеть на чудных интеллигентов». Нашлись и подражатели их опыта: на Лысых горах, в Облего (район Михайловского перевала) появились аналогичные интеллигентские колонии.

Среди этого «разряда» интеллигенции особое внимание на себя обращал «неисправимый идеалист», как назвал его один из мемуаристов О. Прохоров, Авраам (Роман) Васильевич Юшко (Юшка).

В исследуемое время его имя было широко известно в «узких кругах» интеллигенции Восточного Причерноморья. Он был одним из самых ярких представителей толстовства в регионе. Его биографию активного участника общественного движения в стране, мучительно искавшего свой путь переустройства общественного строя России на справедливых началах, без употребления наемного труда, прошедшего от толстовства в сторону социалистов-революционеров, необходимо более подробно рассмотреть для того, чтобы яснее представлять себе, что представляло собой толстовское движение и какими «одержимыми фанатиками», шедшими во главе его, оно направлялось.

Юшко родился 1 ноября 1867 года в станции Елизаветинской Екатеринодарского уезда

Кубанской области в семье казачьего урядника Юшко Василия Ефимовича и домохозяйки Марии Лукиной. Среднее образование получал в Кубанской войсковой гимназии, откуда в 1888 г. был исключен из 7-го класса за политическую неблагонадежность. Затем оказался в Прибалтике, где поступил учиться в Рижский политехникум, но за неимением средств вышел из него. С 1890 года учился в Дерптском ветеринарном институте. В 1891 г. перевелся в аналогичное учебное заведение в Харькове и по его окончании в 1894 г. переехал в Геленджик, где занимался сельским хозяйством, организовал земледельческую колонию на Лысых горах. С 1897 по 1907 гг. состоял в переписке с Л. Н. Толстым. Был лично знаком с писателем, печатался в толстовском издательстве «Посредник». Под влиянием идей великого русского писателя стал исповедовать толстовские идеи.

Для более полного раскрытия «образа» этого истинного интеллигента мы обратились к материалам судебно-следственных органов ГАКК, отложившихся в фонде 584 Кубанского областного жандармского управления, и к вышеназванным воспоминаниям. Это разноплановые источники, каждый из которых требует особого подхода. Так, репрезентативность мемуаров, или как мы их еще называем, источников личного происхождения, зависит от времени их написания («отстояния» от непосредственных событий) и от того, насколько автор воспоминаний выпячивает свою роль в описываемых событиях, насколько близки взгляды мемуариста позициям того, о ком они пишутся. Поэтому предварительный анализ этого вида источника, проверка его с помощью других документов всегда необходимы.

Воспоминания Осипа Осиповича Прохорова, бывшего народника, хорошо знавшего А. В. Юшко по встречам в Новороссийске, Геленджике, писались в 1927 году для истпарта, собиравшего мемуары бывших активных участников общественно-политического движения в России. Они хранятся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (бывшего ПАКК) (См.: Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075) под названием «Воспоминания О. Прохорова о Новороссийской республике 1905 года». Первоначальное название дела «О. О. Прохоров. Подпольная работа с 1885 по 1917 г.» (сноски на это дело в целях экономии далее даются не в конце статьи, а непосредственно в скобках. – Б. Т.).

Давая общую характеристику общественно-политического движения в Черноморской губернии, он отмечает, что накануне революционных событий 1905-1907 годов чувствовалось желание выйти из подполья, что-то выразить открыто: «как ни покажется странным, но первый призыв такого выступления подала группа толстовцев во главе с ветеринарным врачом Юшко. Неисправимый идеалист с отзывчивой душой, всегда готовый пожертвовать собой для общего блага, он предложил выпустить воззвание ко всему русскому

народу под заголовком «Долой войну».

Надо заметить, что это происходило в самый разгар Русско-японской войны, уносившей тысячи жертв в могилу.

Считая, однако, что анонимное воззвание не будет иметь успеха, что на него не обратят внимания, Юшко поставил условие, чтобы каждый принимающий участие в выпуске его подписал под ним свою полную фамилию с указанием адреса жительства.

Нельзя сказать, чтобы предложение это было встречено с большим сочувствием. Одни отказались подписать из страха ответственности, другие, не желая рисковать своей свободой и быть оторванными от революции, которой служили, а третьи, не желая смешиваться с толстовцами, считали это воззвание пустым выстрелом в воздух.

Подписали его человек 14–15 не больше: сам Юшко с женой, Ракович, Кожушко, Сычугов, Антонов – последователи учения Толстого, а из лиц иного миросозерцания: Лейбович, Сатири, Краснов, Прохоров и двух, фамилии которых мемуарист забыл (л. 5-6).

В воззвании «христианское учение «не убий» переплеталось крепкими нитями с революционными требованиями освободительного движения.

Для печатания обратились к екатеринодарским социал-демократам, у которых имелся «прекрасно оборудованный станок», но те отказались от этого предложения, находя, что оно противоречит их убеждениям, так как составлено в духе Л. Н. Толстого.

В конце концов оно было напечатано на станке эсеров и частью разослано во все концы России, а частью роздано местному населению и расклеено в разных местах. «Оно не было пустым выстрелом в воздух» (л. 7), – подчеркивает мемуарист. В целях проверки воспоминаний О. Прохорова мы обратились к материалам фонда 584, в котором обнаружили дело № 205 под названием: «По обвинению Кисель и Кошмана в распространении антивоенных листовок, подписанных членами общины «Криница» и др. в 1904 году». В нем нами обнаружено то самое воззвание от 15 октября 1904 года «Требуйте прекращения войны, люди добрые» (л. 29). Кстати говоря, Прохоров указал другую дату: 1905 год. Оно действительно подписано 13 жителями «Криницы», но в нем упомянуты «подписанты» еще из хутора Перевал, близ Геленджика (7 человек), из самого Геленджика (8) и даже из Новороссийска и Екатеринодара (по 4 человека), а всего 36 человек. То есть Прохоров значительно уменьшил число (на 23 человека) лиц, отважившихся поставить свои подписи под этим важным политическим документом. Думается, что здесь не было никакого злого умысла. Ведь документ могли подписывать и по частям. Может быть, сказала традиционная беда наших мемуаристов, с годами забывающих точные детали событий. Правда, как установлено историками, в воспоминаниях революционеров часто преувеличивается

собственная роль в исторических событиях. Хотя к О. О. Прохорову, писавшему свои мемуары почти четверть века тому назад, применительно к данному эпизоду это не относится.

Но в других частях мемуаров такая тенденция ощутима. Она вызвана желанием Осипа Осиповича получить персональную пенсию за прошлые свои революционные заслуги. Об этом ярко свидетельствует его «заявление» от 5 марта 1927 года, в котором он без всяких обиняков пишет следующее: «Достигнув 68-летнего возраста и страдая хронической болезнью сердца и легких, что превращает меня в инвалида, я вынужден обратиться к Советской власти с просьбой об оказании мне возможного обеспечения, причем прилагаю краткие биографические сведения о своей политической и общественной работе» (л. 78-80.). И далее следуют его воспоминания «Подпольная работа с 1885 по 1917 год» (л. 77-88 об.).

Обрисовав свою подпольную народнического толка работу и кратко охарактеризовав деятельность устроителей трудовой колонии «Криницы», которая «как светлая точка неожиданно вспыхнула на мрачном фоне жизни» (л. 82 об.), Прохоров затем останавливается на том, что он здесь встретился «с одним молодым человеком, недавно окончившим курс ветеринарного института Романом Васильевичем Юшко. Он так же, как и криничане, считал, что в основу жизни должен быть положен физический труд, но рядом с ним должна неустанно работать мысль, направленная к переустройству жизни на началах свободы, равенства и братства.

Бестолковая городская жизнь, с ее низменными интересами и праздною болтовней, вызывали полное отвращение, и он с первых же дней приезда поселился с женой и детьми в селении Геленджик и весь ушел в работу среди крестьянского населения отдавая ему все силы свои и знания. Его имя скоро сделалось настолько популярным во всем округе, что к нему со всех сторон стал стекаться народ со своими крупными и мелкими запросами, и всякими нуждами и болячками, чувствуя в нем своего человека; и он всегда отвечал на эти запросы как словом, так и делом, попеременно обращаясь то в лекаря, то в пахаря, то в пропагандиста тех идей, которые воодушевляли его.

Местная жандармская власть не замедлила обратить на него внимание, и за ним тотчас же была установлена слежка, а затем начались бесконечные допросы и обыски. Но он по-прежнему шел по намеченному пути, ни на одну минуту не сворачивая в сторону, не скрывая ни перед кем своего лица. Много лет спустя, после Февральской революции, когда в Новороссийске был арестован жандармский архив, Осип Осипович собственными глазами перечитывал показания, которые давал этот не умеющий сгибаться перед чужой волей человек, и должен сказать, что они носили исключительный характер. Он открыто отвечал

на допросах, что никакая сила не сломит его и не заставит подчиниться тем требованиям, которые противоречат его совести, что он по-прежнему будет бороться и словом, и делом с тем злом, которое видит кругом. И как ни странно это может показаться на первый взгляд, жандармы не решались принять против него более крутых мер и предпочитали держаться выжидательного положения, считая его фанатиком-толстовцем.

К Толстому Юшко действительно относился с глубоким почтением, находился с ним в близких отношениях, переписывался, но чистым толстовцем, О. Прохоров все-таки не считал его. «У него было свое оригинальное мировоззрение на жизнь, – писал мемуарист, – он старался не только влить в нее нравственные начала добра и правды, но и пересоздать ее по своему плану, который все время носил в голове. А этот план заключался в том, чтобы организовать автономную земледельческую колонию на чисто коммунистических началах. Оставалось только собрать товарищество и найти землю, которая отвечала бы задуманному плану. В поисках за ней Юшко исходил все окрестные горы в Новороссийском округе и облюбовал заброшенную, безлюдную местность, верстах в 30 от Геленджика на вершине так называемых «Лысых гор» в урочище «Тхуабль». Тут было все, что искал Юшко: обширные луга, покрытые буйной растительностью, девственный строевой лес, неиссякаемые родники с чистой студеной водой. Не было только одного – дорог. Чтобы добраться до этой местности приходилось карабкаться по старой, разрушенной черкесской тропе над пропастями и обрывами. Но это нисколько не смущало Юшко. «Чем больше препятствий, тем лучше, меньше охотников будет совать свой нос в наши дела, решил он и обратился к лесничему с просьбой сдать ему облюбованный участок в аренду, так как земля эта принадлежала министерству земледелия и государственных имуществ.

Лесничий охотно согласился и сдал ее Юшко за мизерную плату 30 руб. в год сроком на три года. Покончив с этим делом, Юшко стал собирать компанию единомышленников. Это было труднее, но несколько человек из людей «взыскующих града» не замедлили откликнуться. К нему примкнули фельдшер – толстовец Алексей Ксенофонович Ракович, бывший студент – технолог, изгнанный из института за беспорядки, один из геленджикских крестьян (фамилии их не припомню сейчас), Терентьев только что вернувшийся из Сибири, где он отбывал каторгу и ссылку по народническому процессу 163, Николай Анисимов из кружка Мотовилова и Лозинский.

Прохоров лично не принимал активного участия в устройстве этой колонии, но был в близких отношениях как с Юшко, так и со всеми его «компаньонами». Чтобы иметь более ясное представление о том, на какие лишения и труды обрекало себя это товарищество, он подчеркивал,

что одно только восхождение на Лысые горы с небольшим грузом провизии, необходимыми земледельческими инструментами и лошадей по разрушенной черкесской тропе... занимало несколько дней. Весь этот путь был размыт дождями, загроможден глыбами камней во время обвалов, сваленными бурей деревьями и покрыт колючей растительностью. Все это надо было на каждом шагу расчистить, засыпать, корчевать, сбрасывать. Водворившись наконец на место жительства, им пришлось окунуться с головой в такую же каторжную работу, спать под открытым небом, питаясь одним черствым хлебом и чаем, потому что все свои скудные средства они затратили на возобновление необходимого инвентаря, огородных семян и хлебного зерна для посева (л. 83-84).

Вся их надежда была на сбор урожая. Но буйная растительность в первый же год существования колонии заглушила все насаждения их, и урожай пропал. Оставшись к зиме без жилья и хлеба, они вынуждены были спуститься вниз и временно разойтись на заработки, а некоторые из колонистов как, например, Лозинский и Анисимов, совсем откололись от компании, откровенно признав, что такая жизнь им не по силам. Их заменили другие лица и в том числе известный Щербак, создавший себе впоследствии, в 1905 году, громкое имя революционного борца. Он руководил народным восстанием в Сумах и участвовал в декабрьские дни на Крестьянском съезде в Москве и вообще проявлял бурную революционную деятельность, но в то время, к которому относились воспоминания О. Прохорова, он принадлежал к людям, ищущим живого дела для применения своих недюжинных сил.

Он приехал в Новороссийск с целью поселиться в Кринице, но узнав, что параллельно с криничанами образовалась другая община «из сумасшедших людей», как он в шутку выражался, которая идет напролом к своей цели, не обращая внимания ни на какие препятствия, он решил присоединиться к ней, громко объявив, что вот такие-то люди ему и требуются.

Обладая некоторыми средствами, Щербак купил для лысогорцев двух волов, возобновил хозяйственный инвентарь и вообще поставил жизнь колонии в более сносные условия. Оставалось еще построить дом для жилья, и Щербак предложил Юшко пригласить плотников для постройки, но тот решительно запротестовал, говоря, что к наемному труду (л. 84 об.-85) он не хочет прибегать, что дом колонисты построят сами; к сожалению, однако, из этого ничего не вышло. Поглощенные полевыми работами, расчисткой леса, прокладкой дорог и другими хозяйственными работами, колонисты к концу второго лета успели возвести только одну стену для дома, и зима застала их в дощатом бараке, в котором они чуть не замерзли. Лысогорцам опять пришлось спуститься с горных высот в низину, причем Щербак решил, что с таким неисправимым идеалистом, как Юшко, «каши не сварить», и эмигрировал в Америку,

уговорив поехать с ним Терентьева и студента – технолога. Таким образом, Юшко остался почти в одиночестве, но неудача эта не сломила его. Он продолжал верить в свою идею и на третий год с новой энергией принялся за прерванный труд вместе со своим ближайшим товарищем Раковичем и геленджикским крестьянином.

В это время к нему присоединился один из старых членов «Криницы» Михаил Петрович Кожушко, которому удалось уговорить Юшко пригласить плотников для постройки дома, заняв для этого необходимую сумму на стороне. Это был третий год существования колонии, наиболее удачный из всех, когда хозяйственная жизнь стала на правильный путь и колонисты уже не боялись за будущее, встречая горячее сочувствие во всем окрестном крестьянском населении. Но судьба готовила им новое разочарование и на этот раз такое, устранить которое не было никакой возможности.

Дело в том, что жандармская власть давно уже обратила свое недреманное око на Юшко, теряясь в догадках, насколько он представляет собой тип мирного толстовца и насколько посягателя на государственные устои, а когда он удалился на неприступные Лысые горы, подозрительность царских церберов еще более усилилась, и они решили раз навсегда разрушить его планы. В результате получилось то, что, когда Юшко вторично обратился к лесничему о возобновлении аренды на лысогорский участок, ему в этом было отказано под тем предлогом, что министерство государственных имуществ решило отдать эту землю крестьянам-переселенцам. И действительно, на месте юшкинской колонии, на которую было затрачено столько труда и энергии, вскоре образовался крестьянский поселок, который еще существовал в конце 20-х годов XX в.

Разочаровавшись в возможности обосноваться на казенной земле, Юшко решил при помощи и содействии приехавшего из Харькова садовода Череватенко, административно высланной в Черноморскую губернию Николаевской и статистика Ионовы купить в рассрочку у генеральши Грикуловой 30 десятин земли на Михайловском перевале, преследуя ту же идею устройства земледельческой колонии. Но и эта попытка кончается неудачей. Для уплаты за землю нужны деньги, а у него нет никаких средств, и в конце концов он лишается ее. На исходе 1905 года он переселяется в Харьковскую губернию в самый разгар революции и там вступает в Крестьянский союз, а затем выступает делегатом в декабрьские дни на Крестьянском съезде в Москве (л. 85 об.– 86), подписывает резолюцию съезда об экспроприации помещичьей, государственной и церковной земли и передаче ее в пользование трудового народа, после чего попадает в тюрьму и в ссылку в Сибирь. Той же участи подвергается и ближайший сотрудник его Ракович – за участие в Крестьянском союзе в Черноморской губернии;

другие же сотрудники и товарищи Юшко – Кожушко, Анисимов, Череватенко приговариваются Новочеркасской судебной палатой к содержанию в крепости на разные сроки.

Лев Николаевич Толстой, с которым Юшко продолжал переписываться, узнав о вступлении его в Крестьянский союз, указывал: «Дорогой Роман! Вы стоите у кровавого дела!».

В доказательство репрезентативности такого письма Прохоров писал, что впоследствии, когда ему опять пришлось встретиться с Юшко, тот показывал ему это лаконичное письмо, и мемуарист прекрасно его запомнил.

Мы достоверно не знаем, помогли ли такие воспоминания О. О. Прохорову получить желанную для него персональную пенсию. Но известно из других источников, что толстовцы примерно в 30-х годах XX века попали под каток сталинских репрессий, и мечты мемуариста не осуществились. А что такие репрессии действительно имели место, мне лично рассказывал краевед Н. Ф. Юркин. Вспоминая свое детство, он заявил, что сам видел, как по Краснодару вели группу арестантов, которых сопровождала толпа мальчишек и кричала: «Толстовцев ведут».

Известный кубанский историк, основатель первой подобной общины в станице Бриньковской Кубанской области, Ф. А. Щербина, хорошо знавший Юшко по Геленджику («по 25-летним связям»), вспоминал о нем в газете «Вольная Кубань»: он «был искренний и убежденный сторонник народа и его интересов... Но удивительное дело – я ни разу не встречал такого неудачника, каким был Юшко. Все, что он начинал и делал, давало неблагоприятные, отрицательные результаты и для дела, и лично для него. Точно в этого человека вбил кто-то огромный гвоздь, за который цеплялись эти неблагоприятные для него результаты». И историк приводит яркий пример таких невезений, рассказывая, как Юшко занимался сельским хозяйством сначала на Лысых Горах, а затем на Михайловском перевале, близ Геленджика. Вырастил он хороший урожай фруктов, «но приехали поселяне из Геленджика и [из] других мест на огромных мажарах и стали снимать плоды и нагружать ими подводы. Ни звука протеста или запрещения. Не противься злему». Юшко, по мнению Ф. А. Щербины, был тогда «типичнейшим толстовцем, следовавшим некоторым рискованным положениям знаменитого русского писателя – с рабскою покорностью и подьяческим буквоедством». В результате Роман Васильевич не только лишился дохода, но и не запасся плодами на зиму для собственного потребления. А те, которым он готов был посвятить свою жизнь, восклицали не без сарказма: «чудак», употребляя при случае и другое бранное слово. Во время 1-й Мировой войны служил ветеринаром. По политическим взглядам, будучи искренним и убежденным сторонником народа, от толстовцев перешел к социалистам-революционерам. Такой

шаг Юшко поставил его в ложное положение, так как, будучи казаком по происхождению, он стал на сторону иногородних и направлял всю свою деятельность на наделение невойсковых жителей казачьей землей. Затем Роман Васильевич попал в представители от Центрального земельного комитета при министерстве Чернова в Петрограде, явился на Кубань и начал в этой роли вести свою земельную политику, устраивая земельные комитеты и патронируя крестьянско-казачий союз. Иногороднее население Кубанской области в декабре 1917 г. избрало его своим представителем на Краевую Раду. А та, в свою очередь, избрала его на должность товарища заведующего земледелием в Кубанском краевом правительстве. В январе 1918 г. по совместному списку партии социалистов-революционеров и Советов крестьянско-казачьих депутатов он баллотировался в Учредительное собрание России. Затем, как представитель Кубанского краевого правительства, попал в отступавший из Екатеринодара Добровольческий отряд. Здесь-то его в последний раз встретил Ф. А. Щербина, который писал в своих воспоминаниях: «В пути мне казалось, что Авраам Васильевич удручен чем-то. Понял ли он свое ложное положение в роли подготовителя почвы для большевиков, или же казаки доняли его насмешками на счет благодеяний иногородним, сразу ставшим на сторону большевиков, – не знаю, но, вероятно, это заставило его уйти из отряда». Он ушел из него в станице Пензенской и направился через Ключевую в Черноморскую губернию. Но в Ключевой его арестовали большевики и босиком, в мороз, дождь и слякоть направили в областной центр Кубани. «Возле Екатеринодара, на Владикавказской железной дороге, – писал далее Ф. А. Щербина, – толпа, в интересах которой он порвал свои связи с казачеством и пошел своей особой дорогой, зверски расправилась с А. В. Юшкой. Он был убит или даже «растерзан» [7]. Свои воспоминания Ф. А. Щербина, будучи редактором газеты «Вольная Кубань», писал по горячим следам, сразу же по возвращении в Екатеринодар из того злосчастного похода. Выглядят они как дань памяти и сожаления по поводу гибели своего товарища, блуждавшего в поисках идеальных форм общественной жизни на справедливых началах, но так и не нашедшего их. Поэтому его информация не должна вызывать больших сомнений.

К этому следует добавить, что Роман Васильевич был убит не один, а вместе со своими двумя сыновьями Романом (Ромиком) и Василием. Все же у Романа Васильевича и Евдокии Арефьевны Юшко (выпускницы Екатеринодарской женской гимназии) было восемь детей. Четыре сына: три собственных и один приемный и четыре дочери. Т. А. Небиеридзе выявила очень интересное письмо Евдокии Арефьевны своим сестрам в Москву, в которых сообщила о некоторых деталях гибели 11 марта 1918 года мужа и двух своих сыновей в результате самосуда толпы. Она писала, что в то

время сыновья Юшко (Ромик и Василий) были насильно мобилизованы в добровольческий отряд. Они решили покинуть его, чтобы ехать «на свой кусочек земли», что на Молокановой щели (район Геленджика), так как сын Роман (Ромик) болел цингой и к тому же был ранен в ногу. Они поехали горами и доехали уже до Старошабановского перевала (в 30 км от Михайловского перевала. Там на них и напал большевистский отряд и обстрелял – Вася и другие остались на месте убитыми, а Романа Васильевича и Ромика арестовали, избивали прикладами. Ромик еще несколько раз был ранен. «В каждой станице, – писала неутешная вдова, – они проходили через самосуд разъяренной толпы <...> их привезли на вокзал, а здесь какая-то жестокая <...> рота вместо доставки их в штаб оттащила за вокзал и убили, и убили так зверски, что не могу представить, что были в руках людей, а не разъяренных зверей. На другой день нам с сожалением говорили, что “вышло печальное недоразумение” <...> Похоронили их в одной могиле – папу и Ромика, а Васю не могу найти...» [8].

Подводя общий итог жизни этого неординарного человека, необходимо снова обратиться к воспоминаниям О. О. Прохорова, полемизировавшего с Л. Н. Толстым и писавшего, что, по его мнению, великий писатель ошибался. Юшко никогда не стоял у кровавого дела. Путь, который он избрал себе, был путь беспощадного, открытого протеста против всякого зла и насилий, несомненно, носивший революционный характер. Но в боевом смысле его революционером нельзя было никак признать, хотя впоследствии, в 1917 году он формально вошел в партию социалистов-революционеров и его имя первым фигурировало в избирательном списке этой партии в Учредительное собрание от Кубанской области.

Это было то противоречие, которое мы встречаем в жизни на каждом шагу и которое нередко замечаем у самых крупных общественных деятелей. Партия эсеров привлекала его тем, что она опиралась на крестьянские массы и в программу ее входила экспроприация государственной и церковной земли и передача ее трудовому народу.

Это была всегдашняя его мечта, и он готов был голову свою сложить за нее, но никогда и ни при каких условиях не решился бы снять с плеч чужую, даже самую враждебную ему голову. «Таков в общих чертах портрет этого человека и его сподвижников, – заканчивает О. О. Прохоров, – и я думаю, какую бы кличку [они] не носили, хотя бы и толстовцев, их деятельность не отрицательный, а скорее положительный в смысле подготовки революционного движения, и царское правительство прекрасно сознавало это; иначе оно не принимало бы против них таких репрессивных мер, как ссылка и тюрьма» [9].

Литература и источники

1. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / науч. ред-р и составитель Б. А. Трехбратов. Краснодар, 1997.
2. Трехбратов Б. А. Историко-краеведческий словарь школьника. Ч. 1. Краснодар, 2007.
3. Небиеридзе Т. А. Толстовцы в Геленджикском районе. Конец XIX – начало XX века // Гелмузей. рф. 26 дек. 2013 г. Обращение 02.02.2015 г.
4. Опятон. О трудовых общинах и артелях на Черноморском побережье // Новая заря (Екатеринодар). 1908. № 504. 15 июня.
5. Щербина Ф. А. Воспоминания о Романи Юшко // Вольная Кубань (Екатеринодар). 1918. № 1, 54.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 2830. Оп. Д. 1075. 89 л. 70 строк на листе большого формата.
7. Щербина Ф. А. Воспоминания о Романи Юшко ...
8. Небиеридзе Т. А. Толстовцы в Геленджикском районе ... С. 6–7.
9. ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1075. Л. 86.

References

1. Entsiklopedicheskiy slovar' po istoriy Kubany s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda [Encyclopedic Dictionary of Kuban history from ancient times to October 1917] / sost., nauch. red., ruk. avt. kol. B. A. Trekhbratov Krasnodar, 1997.
2. Trekhbratov B. A. Istoriko-kaevedcheskiy slovar' shkol'nika [Local history schoolboy dictionary]. Ch. 1. Krasnodar, 2007.
3. Nebieridze T. A. Tolstovtsy v Gelendzhikskom rajonye. Konets XIX – nachalo XX veka [Tolstovtsy in Gelendzhiksk area. End of XIX – beginning of XXth century] // URL: <http://гелмузей.рф/index.php/stati-publikatsii/44-tolstovtsy-v-gelendzhikskom-rajone-konets-xix-nachalo-xx-vekov>
4. Opyat'on. O trudovyh obschinah i artel'ah na Chernomorskom poberezh'e [About labour cooperatives and communities along the Black Sea coast] // Novaya zarya. 1908. № 504. 15 iyunya.
5. Shcherbina F. A. Vospominaniya o Romane Yushko [Memories about Roman Yushko] // Vol'naya Kuban'. 1918. № 1. S. 54.
6. Centr dokumentatsiy novejshey istoriy Krasnodarskogo kraya (CDNIKK) [Center for documentation on contemporary history of Krasnodar region (CDNIKK)]. F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 89.
7. Shcherbina F. A. Vospominaniya o Romane Yushko ...
8. Nebieridze T. A. Tolstovtsy v Gelendzhikskom rajonye ... С. 6–7.
9. CDNIKK. F. 2830. Op. 1. D. 1075. L. 86.